

Таким образом, рисуемая в различных вариантах «национальной идеи» картина будущего, на наш взгляд, вряд ли сможет объединить всех граждан страны и стать основой их примирения и совместных действий. По нашему мнению, стратегической исторически перспективной может быть идея формирования человека-гуманного, гуманизации общественных отношений и построения гуманного общества. "...Тому, кто отрицает гуманизм, - подчеркивал М. Хайдеггер, - остается лишь утверждать бесчеловечность"[14, с.210]. Без гуманизации человека представить наше прекрасное и безоблачное будущее весьма трудно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бентам И. Принципы законодательства // Политология: Хрестоматия/ Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб: Питер, 2006. – 464 с.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.П. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – 4-е изд. доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.
3. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха просвещения (Редкол.: И.Т. Фролов и др. Сост. П.С. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
4. Солженицын А.: «Главное сбережение народа» // Аргументы и факты в Украине. – 2005. – № 23. – С. 4.
5. Богословская, Инна. План развития страны: Сокр. версия для индивидуал. и коллектив. осознания / И. Богословская, И. Дидковский, А. Чалый. – К.: Изд. компания «Воля», 2005. – 212 с.
6. Політологія: Підручник для студентів вищих навчальних закладів / За ред. О.В. Бабкіної, В.П. Горбатенька. – К.: Видавничий центр «Академія», 2001. – 528 с.
7. Апухтин Ю. Какая национальная идея нам нужна // 2000. – 2005. – 2.XII. – А 7.
8. После маскарада // Советская Россия. – 1994. – 30 июля.
9. Нестерова А. Найдена формула национальной идеи // Аргументы и факты в Украине. – 2005. – № 7. – С. 7.
10. Нестерова А. Игорь Дидковский: «Вече – это среда, которая позу превращает в позицию» // Аргументы и факты в Украине. – 2006. – №1. – С.5.
11. Терехов А. Мастера по выпечке проблем // 2000. – 2006. – 20.1 – А 7.
12. Мишутин С. Рождем больше, но нас все меньше // Аргументы и факты в Украине. – 2006. – № 2. – С. 7.
13. Горький А.М. Детство. В людях. Мои университеты. – М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1946. – 701с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. - М.: Республика, 1993. – 447 с.

В.С.ОРЛЯНСКИЙ

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны. По всей империи проходили манифестации в поддержку царя и правительства. Принимали участие в этих манифестациях и евреи. В Петрограде, после молитвы в хоральной синагоге, евреи с флагами и портретом царя вышли на улицу: синагогальный хор шел впереди этой процессии и пел русский гимн. Газета «Новое время», никогда не отличавшаяся благосклонностью к евреям, писала по этому случаю: «Толпа евреев, вышедших из синагоги, встретила по дороге к Дворцовой площади манифестацию русских и здесь, при общих восторженных криках, она слилась с русскими в одно неразрывное целое. Такие минуты не забываются» [1, 301].

В процессе мобилизации в армию были призваны сотни тысяч российских евреев. Начало боевых действий ознаменовались появлением таких сообщений: «Вольноопределяющийся еврей Кац за отличие в бою при Гамбинене произведен в подпрапорщики и награжден Георгием. Знак отличия вручил Кацу лично командующий армией» [2, 302]. И подобных сообщений было немало.

Но появились и другие сообщения. К началу войны в Российской империи насчитывалось около пяти с половиной миллионов евреев, и половина из них оказалась в районе боевых действий. Многие города и местечки неоднократно переходили из рук в руки. Появилось огромное количество беженцев. Все это сопровождалось прямыми и откровенными издевательствами над евреями. Одну из таких сцен воспроизвел в своем романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак: «Молодой солдат при дружном хохоте окружающих подбрасывал кверху медный пятак, заставляя старого седобородого еврея в длинном сюртуке ловить его. Старик неизменно упускал монету. Пятак, пролетев мимо его расставленных рук, падал в грязь. Когда старик нагибался за пятаком, казак шлепал его по задку, а в это время, стоявшие кругом держались за бока и стонали от хохота. В этом и состояло развлечение. Из-за противоположной избы выбегала на дорогу, с криками протягивала руки к старику и каждый раз вновь боязливо скрывалась его старуха. В окно избы смотрели на своего дедушку и плакали две девочки» [3, 112].

По мере нарастания неудач на фронте, евреев стали обвинять в шпионаже в пользу врага, причем причина подобных обвинений, как правило даже не обосновывалась. Следствием подобного восприятия стало разрешение армейскому командованию, практически, на собственное усмотрение, выселять еврейское население из районов боевых действий. Один из депутатов рассказывал с трибуны Государственной думы: «С какой непомерной жестокостью производилось выселение евреев..., в течение нескольких ночных часов..., под угрозой, что если кто-нибудь останется к рассвету, то все будут повешены... Стариков, больных, расслабленных, параличных приходилось нести на руках...» [1, 305]. «Так, – отмечает Ф. Кандель, – началось физическое уничтожение старых гнезд еврейской жизни с их традиционным, устойчивым многовековым укладом» [2, 305]. В этой ужасной ситуации С. Дубнов записал в своем дневнике: «Кошмар усиливается. Творится безумное и преступное.... Хочется крикнуть от боли на весь мир! Мой народ истекает кровью, поработанный вчера, истребляемый сегодня, угрожаемый исчезнуть завтра...» [4, 268].

Следует заметить, что подобное усердие армейского командования на внутреннем фронте по выселению еврейского населения приводило не только к личной трагедии огромного числа людей, но и к заметным печальным последствиям в области хозяйственной. Прежде всего, это выселение вносило расстройство и неприменные трудности в уже сложившуюся хозяйственную жизнь не только тех губерний, откуда отправлялись беженцы, но и тех губерний куда направлялись потоки беженцев. Оно также способствовало расстройству и без того плохо работающему железнодорожному транспорту. Наконец, нельзя недооценивать и психологический фактор – появления большого количества людей охваченных паническим страхом и неразберихой, которыми сопровождалось подобное выселение. Как подметил Д. Эльшевич, «проведение подобной политики самым отрицательным образом сказывалось также на престиже, авторитете государственной власти, получавшей в лице безвинно выселяемых и подвергавшихся различным издевательствам евреев сотни тысяч своих новых врагов» [5, 486-487].

Необходимо отметить проявление некоторых особенностей антисемитизма, которые или проявились по новому, или были порождены Первой мировой войной. Волна германофобии, охватившая Россию с началом этой войны, отмечает Б. Колоницкий, оказала на существовавший в стране антисемитизм противоречивое воздействие. Часть юдофобов соединили свой антисемитизм с германофобией, обвиняя огульно всех российских евреев в прогерманских взглядах, а то и в прямом пособничестве врагу [6, 116].

Вообще-то вопрос о воздействии германофобии на антисемитизм не такой уж и простой. Во-первых, такое скрещивание двух фобий – немецкой и еврейской – могли породить и порождали определенные революционные всходы. «Наш государь глуп как теленок, его окружают только жида и немцы, которые и являются у него офицерами-воеводами» – так объяснялись нередко в народе причины поражения русских войск в ходе войны [7, 116]. Во-вторых, филосемиты стремились использовать волны германофобии для распространения антинемецких взглядов. Они утверждали, что именно «немец – исконный и истинный враг

России, а антисемитизм – это идейное течение, рожденное в Германии и якобы чуждое России» [7, 116].

Революционно-демократическая оппозиция в IV Государственной думе выступила с требованием прекратить гонения против евреев. Часть кадетов присоединилась к этому требованию. Милюков говорил с трибуны Думы: «Игра на темных националистических инстинктах масс с обычным орудием этой борьбы – антисемитизмом... получила небывалый простор под прикрытием нужд военного времени» [8, 46].

В 1915 г. по инициативе М. Горького было создано «Общество для изучения еврейской жизни». Еще в декабре 1914 года он писал Е. Пешковой: «... Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы задумываем анкету по вопросу об антисемитизме – а? Не веришь? Может быть, даже и более того затем» [9, 67]. Вот этим «более того» и явилось это Общество.

Создавая это Общество, его основатели – Горький, Андреев и Сологуб – сделали попытку объединить людей самых различных мировоззрений, политических и эстетических взглядов. Под «Воззванием к русскому обществу» поставили свои подписи люди различных политических ориентации: здесь и П. Струве, экономист и публицист, начинавший свою политическую карьеру еще в рядах «легального марксизма»; и И. Толстой, бывший министр просвещения, известный своим неприятием антисемитизма; и Н.К. Кареев, видный историк; и Н. Бердяев, религиозный философ; и писатели, такие как И. Бунин, Д. Мережковский, А. Серафимович; и А. Карташев, видный православный богослов; и А. Римский – Корсаков; и Е. Кускова; и В. Немирович – Данченко; и многие другие не менее известные политики, ученые, деятели культуры [10, 72].

Одним словом, все члены Общества были личностями со своими устойчивыми взглядами по «еврейскому вопросу». Так, к примеру, А. Карташев считал, что «религиозно-положительное, религиозно-любтивное отношение к еврейству для христиан, безусловно, обязательно... Обязательно не в силу морали, а по чисто религиозным основаниям... Ветхий завет для христианина есть святое наследство, доставшееся ему от предков» [11, 20-21].

Официальным председателем Общества стал И.И. Толстой. В 1916г. вышла его книга «Антисемитизм в России». В предисловии, которое написал Горький, говорилось, что «юдофобство развивается искусственно, с определенной, чисто политической целью – разбить оппозицию на вопросе о равноправии евреев и, распространив в народе настроения юдофобские, создать между культурными людьми и массой – новую рознь, внушить народу подозрительное и враждебное отношение к политическим и социальным идеям оппозиции» [12, 164].

Основным видом деятельности Общества была издательская деятельность. За короткое время было подготовлено и издано три выпуска сборника «Щит». Наиболее содержательным оказался третий и последний его выпуск. В этот выпуск вошли работы таких авторов: П. Милюков («Еврейский вопрос в России»), Д. Мережковский («Еврейский вопрос, как русский»), П. Долгоруков («Война и положение евреев»), А. Карташев («Избранные и помилованные»), письма В. Короленко – В. Соловьеву, Л. Толстого – Ф. Гецу, работы И. Бунина, В. Брюсова, А. Толстого, Х.-Н. Бялика и др. [10, 79-80].

То, что происходило с еврейским населением в прифронтовой полосе, вызвало гневное возмущение среди различных слоев нееврейского населения. Например, довольно жесткая резолюция о необходимости отмены национальных ограничений по отношению к евреям была принята в 1915г. на съезде военно-промышленных комитетов, которые в годы войны имели довольно сильное влияние.

Не осталась в стороне по этому вопросу и IV Государственная дума. Прежде всего, группа депутатов этой Думы из 31 чел., среди которых были А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, 20 июля 1915г. внесла депутатский запрос о незаконных действиях властей по отношению к еврейскому населению, проживающему в районе театра военных действий. В этом запросе, в частности, говорилось следующее: «Все те, которые присвоили себе право в России вершить судьбами страны [13, 706], и руководить русской армией, жили в это страшное для России время... под тяжестью одной центральной заботы, заботы о том,

чтобы превратить жизнь шестимиллионного еврейского народа, пославшего в ряды нашей армии около 350 тысяч своих сынов, в сплошную цепь физических и нравственных мучений, и чтобы направить на этот народ все остальное население Российской империи. Для них, виновников постигших Россию несчастий..., речь шла о том, чтобы в лице еврейского народа найти козлов отпущения за совершенные ими перед страной преступления» [14, 487].

В феврале - марте 1916 г. в Думе и за ее пределами разразился скандал вокруг секретных циркуляров, которые были разосланы на места некоторыми правительственными ведомствами. В этих циркулярах содержались обвинения евреев в том, что они намеренно вредят народному хозяйству страны. Депутат М. Бомаш внес в Думу запрос по поводу этих циркуляров, в котором он указывал, что в этих циркулярах на евреев возводятся огульные ложные обвинения и, между прочим, действиям еврейских организаций приписывается, без всякого основания вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение звонкой монеты, чему рассылка вышеуказанных циркуляров несомненно приводит к возбуждению одной части населения против другой и не может, не быть признана злонамеренным использованием органами власти предоставленных им законом полномочий» [15, 13].

Обсуждение по этому запросу открыл известный своим антисемитизмом Г.Г. Замысловский. Лейтмотивом его речи было обвинение евреев в предательстве: «Когда армия приходит в какое-то селение, - говорил он, - первое, о чем она думает, это – как бы избавиться от жидов, и солдаты даже бросаются вешать этих жидов, м.б., иногда ни в чем не повинных ... А вы в Государственной думе собираетесь принимать жидовский запрос» [15, 13].

Левые депутаты в знак протеста против такого выступления, а также безразличия президиума сессии Думы к этому покинули зал заседания. В конечном счете, используя различные манипуляции правых, этот запрос так и не был принят. Л. Андреев свою статью, посвященную анализу поведения Думы в связи с этими злополучными циркулярами, заканчивает такими пессимистичными словами: «Печально все это. Заседание Государственной думы 8-го марта кладет не менее мрачные тени на юное, но уже дряблое лицо нашего молодого правительства» [15, 24].

Р. Ганелин, на мой взгляд, правильно проанализировал позицию тех, кто все-таки стоял за положительное решение «еврейского вопроса» – это позиция С.Ю.Витте и позиция И.И. Толстого. Витте, в сущности, требовал, чтобы евреи хлопотали только о своих, национальных интересах, игнорируя интересы общероссийские. «Да и как можно было говорить о равноправии, - отмечает Ганелин, - когда именно в нем (а не в полноправии) сам Витте видел «представление существенных льгот еврейству»» [16, 27].

Другой взгляд на решение «еврейского вопроса» был выражен в программной записке «Кружка равноправия и братства», составленной в 1907г. основателями этого Кружка И.И. Толстым, Д.Г. Гинцбургом, Ю.Н. Милютиным и Э.Э. Ухтомским. В этой записке говорилось: «Нет нужды скрывать, что из всех народностей и племен, населяющих Россию, наиболее органиченными в правах и подвергающимся наибольшим заподозрениям является еврейское племя». Требование предоставления евреям «равноправия со всеми остальными гражданами России во всех решительно отношениях» обосновывалось в записке тем, что каждый, «к какому бы племени он не принадлежал, должен пользоваться всею полнотою гражданских прав» [15, 28]. Все это, считал И.И.Толстой, отвечало не только «потребностям идеальной справедливости», но и «насущным интересам России как государства» [16, 118-130]. «Такое понимание общеполитического значения еврейского вопроса, – считает Ганелин, – основывалось на том, что без его разрешения невозможно было движение страны по пути модернизации» [17, 28].

Между тем вопрос о еврейских беженцах все более набирал в обществе негативного восприятия. Обсуждение проблемы еврейских беженцев неоднократно выносилось даже на закрытые заседания правительства, где говорилось о «недопустимых в цивилизованном государстве насилиях и надругательствах» над евреями. Правительство потребовало от главного штаба русской армии «отказаться от преследования еврейской массы и огульного обвинения ее в измене». На подобные требования правительства, начальник штаба Н.

Янушкевич, в ответ сообщал, что принятые меры «весьма слабые» (!), и он, в принципе, «не остановился бы перед усилением их в еще более значительной степени» [1, 308].

И Янушкевич не останавливался. С его согласия начальник штаба Юго-Западного фронта С.С. Саввич разослал 26 июня 1915г. всем командующим армиям фронта секретную телеграмму, в которой говорилось: «Ввиду получения не подлежащих сомнению сведений, что еврейская печать и корреспонденция на еврейском языке в значительной мере способствует шпионству, главнокомандующий (Юго-Западным фронтом И.И. Иванов.-В.О.) приказал воспретить выход и распространение газет, издающихся на еврейском языке, а всю корреспонденцию на еврейском языке конфисковать» [14, 499].

Одновременно аналогичный приказ был отдан и главнокомандующим Северо-Западным фронтом М.В. Алексеевым. Всего, согласно этим двум приказам, было прекращено издание 7 ежедневных газет, 1 еженедельника и 3 журналов. Выступая с думской трибуны по этому поводу, М. Бомаш заявил, что «всякий народ и еврей имеют право на свой язык... Это закрытие – это произвол, это беззаконие, это преступление лишат народ его предков. И ясно, что это закрытие произошло не из-за цензурных отступлений, а потому, что цензура служила подсобным орудием для правительства в борьбе с евреями» [14, 504].

Летом 1915г. правительство разрешило евреям беженцам располагаться в трех губерниях средней полосы России – Воронежской, Тамбовской и Пензенской. Подобным решением правительство фактически отменило т.н. черту оседлости. Однако оно не решилось сделать это через Государственную думу, опасаясь сопротивления со стороны правых депутатов.

15 августа 1915г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков разослал по губерниям специальный циркуляр, в котором говорилось, что «ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени» евреи получают право поселиться в городах вне черты оседлости. По-прежнему оставались закрытыми Петроград и Москва, а также казачьи области Войска Донского, Кубанского и Терского, Туркестан и Кавказский край [2, 309].

Психологическую картину жизни в черте оседлости помогают понять образы Тевье-молочника, картины М. Шагала, они помогают понять не только ее материальное убожество, но и ее невыразимую скуку, однообразие, монотонность. Евреи штурмовали эту черту с таким же энтузиазмом, как когда-то парижане Бастилию...» [18, 112].

Официально черта оседлости была отменена, но в то же время, обвинения евреев в шпионаже, которые были поддержаны на государственном уровне, сделали свое дело – антисемитизм в годы войны заметно усилился. В мае 1916г. на волне возросшей дороговизны в Красноярске разразился погром: толпы людей грабили еврейские дома и лавки, избивали их владельцев. Красноярский епископ направил послание в Петроград, в котором спрашивал: «Чем виноваты несчастные евреи, из которых громадное большинство торговали по мелочам, и не имели никакой возможности повышать цены? Кто виноват в страшной дороговизне? Почему евреев оставили беззащитными?» [1, 310].

Так Российская империя подошла к февралю 1917года. Депутат IV Государственной думы А. Идельсон, сравнивая существующее положение с довоенным, писал, что до революции 1905-1907 гг. «общественного юдофобства», т.е. прямой ненависти к евреям не существовало, а ограничения в правах существовало, как-то машинально, почти без злобы и без воодушевления». И далее, давая свою трактовку эволюции отношения к евреям: «Бюрократия тогда в одобрение со стороны общественного мнения не нуждалась, – пишет он, – так как вообще с ним не считалась. Интеллигентского антисемитизма вовсе не было, и быть юдофилом считалось признаком хорошего тона для всякого либерала. Все это изменилось и введением «конституций». Как бы ни было незначительно влияние общественного мнения в последние годы, с ним так или иначе приходилось считаться, его нужно было обрабатывать. И так как преследование евреев стало главным пунктом политической программы российской реакции, бюрократии приходилось тратить много труда, чтобы создать соответствующее настроение в обществе. И было бы опрометчиво теперь думать, что вся эта огромная работа пропала даром. Особенно большой отклик черносотенная пропаганда нашла тогда, когда она перешла с обыкновенных, мирных тем на более острые военные темы. Россия очутилась

перед таким подъемом антисемитской волны в массах, что даже либеральные элементы не считали для себя возможным бороться против еврейских наветов. Все это, мол, относится к войне, а к явлениям войны нужно относиться бережно, хотя бы речь шла о благополучии и добром имени целого народа. Волна антисемитизма продолжала подниматься, и достигла наивысшей своей точки как раз накануне революции» [15, 29]. Думается, Идельсон правильно уловил тенденции отношения к евреям в этот межреволюционный период. Разгул антисемитизма в годы войны явился вполне закономерным итогом развития политики царизма в еврейском вопросе, начиная с 80-х гг. XIX в. События, касающиеся этого вопроса, происшедшие в период Первой мировой войны, «стали, – как отмечает Д.А. Эльяшевич, – высшей точкой развития того феномена русской общественно-политической жизни конца XIX – начала XX вв., который С.М. Дубнов метко назвал «фурор юдофобикус» [5, 484].

Нарастание давления в этот период на российских евреев можно объяснить еще и несовместимостью русского самодержавия, с его внеэкономическими рычагами управления обществом и еврейства как носителя буржуазно-демократического устройства мира с его либеральными ценностями. Оно именно поэтому боялось предоставлять еврею равные права с другими в черте оседлости и не выпускать на просторы Российской империи. Интересную мысль в этом плане высказал А. Меликов. Он пишет: «Либеральное ханжество велит нам не замечать национальностей, то есть не замечать реально существующего соперничества народов и культур, предоставляя ему катиться без участия наиболее образованных и морально устойчивых слоев общества ...» [19].

Общее нарастание политики государственного антисемитизма после революции 1905-1907 гг., вплоть до Февраля 1917 г., неизбежно приводило к усилению протестных настроений среди евреев, что, в свою очередь, вызывало новый всплеск юдофобских шагов со стороны властей. С.М. Дубнов писал по этому поводу в годы войны: «Часто думаешь: откуда это безумие юдофобии в такой момент? Психологически это объяснимо. Палач по-своему боится своей жертвы. Юдофобам, тиранившим евреев тридцать лет, совесть подсказывает, что евреи должны мстить своим гонителям, и это должное превращается в умах палачей в сущее» [14, 485].

Так российское еврейство подошло к февралю 1917 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: Кандель Ф. Очерки времен и событий: Из истории российских евреев (Часть третья: 1882-1920 годы). – Иерусалим, 1994.
2. Кандель Ф. Указ. соч.
3. Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. Кн.1 – Вильнюс, 1988.
4. Цит. по: Елисаветский С.Я. История еврейского народа. Курс лекций. 2-е изд. – К., 2001.
5. Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России 1797-1917: Очерки истории цензуры. – СПб., 1999; Иерусалим, 5759.
6. Колоницкий Б. Ни одна из фобий не существует сама по себе // Отечественная история. – 2000. – №2.
7. Цит. по: Колоницкий Б. Указ. соч.
8. Цит. по: Сычева В.В. Еврейский вопрос в IV Государственной думе: отношение к нему революционно – демократической оппозиции // Єврейське населення Півдня України: дослідження і документи. Щорічник. Вип.1 – Запоріжжя, 1994.
9. Цит. по: Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. – 1997. – №1(14).
10. Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. – 1997. – №1(14).
11. Цит. по: Будницкий О. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920 – 1930-х годов // Вестник еврейского университета в Москве. – 1994. – №3(7).
12. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. – Иерусалим, 1986.